

Москва, правая, — 1995. — 12 апр. — С. 6.

Нет надежды представлять Сергея Николаевича ЕСИНА. Прочтав это интервью, читатель сам поймет, кто он такой, как дышит.

— Ты наверно помнишь Московское совещание молодых писателей, семинар, на котором сидели, образно говоря, за одной партией будущие члены Союза писателей СССР ты, Руслан Киреев, я. Оставил ли след в твоей писательской судьбе тот семинар?
— Конечно, оставил. Парадокс в том, что мы — начинающие писатели до определенного времени следили за каким-нибудь Учителем. Я, например, никогда не учился ни в восьмом, ни в девятом, ни в десятом классах. Среднюю школу закончил экстерном. Потом было заочное отделение филфака МГУ. И именно тогда, на вступительных экзаменах в университет я написал, сам того не сознавая, первый в своей жизни рассказ, потому что до этого никогда не писал сочинения. Грамматических ошибок в том рассказе-сочинении было невпроворот. И чтобы спасти меня, девушки-аспирантки поставили мне тройку, их воспитали содержанием сочинения. Об этом я узнал после экзаменов. До сих пор хорошо помню обращение на меня глаза, неподдельный интерес в них, когда аспирантки как бы невзначай заходили в ту аудиторию, где абитуриенты, в том числе и я, сдавали «устный».
— Вернемся к семинару.
— Без натяжки скажу: на меня произвело большое впечатление рассуждение Ю.В.Бондарева, одного из руководителей нашего семинара, о своей манере работать над фразой, его призыв к особому писательскому медленному чтению. Но главное было в другом. Ты, наверно, помнишь — на семинаре обсуждались мои рассказы-монологи.

журналах, избран ректором уникальнейшего учебного заведения — Литературного института имени А.М.Горького. Так кто же ты, Сергей Николаевич Есин, писатель или преподаватель?
— Безумно трудно совмещать в себе теоретика и эмоционального практика, действующего писателя и преподавателя. Самое парадоксальное на приемных экзаменах в институте — наблюдать толпу перед аудиторией. Я каждый раз невольно думаю, что вот точно так, у этих же, кстати, дверей толпились юные Симонов, Бондарев, Ваншенкин, Коржавин, Вас. Белов, Сильва Капутикян, Юлия Друнина. Судьба же этих «новых» ребят и девушек пока в тумане. Возможно, это будущие мэтры литературы, но пока это дети, еще не вполне осознавшие своей предопределенности. Сейчас никто из них не думает о вечности, о паре-ни над временем, о своей судьбе. Сейчас у всех задача самая близкая — сдать экзамены, пройти с наибольшим баллом собеседование. Каждый раз принимая в свой творческий семинар нового студента, я не только подбираю «материал» для своего семинара, но и в известной мере беру на себя ответственность за чужую судьбу, за возможную ошибку в выборе поприща, за возможно тяжелую жизнь, току и маету неудачника. Геня выращивало в я ре-рторе своего семинара или хитрого и беспринципного литературного выворота, холодного шулера не без способностей, но и без огня, имитирующего и повторяющего любые течения литературной моды и шаблоны книжничества-беллетристики рынка? Именно поэтому я чувствую себя живущим между Сциллой и Ха-

Был предпринята попытка внедрить в историю другие имена. Но имена в историю так не внедряются.
— Проведи свою мысль.
— Вспомни закончик разговор о Солженицыне. Он для меня величина неизмеримо менее крупная, чем М.Горький и М.Шолохов. Солженицын, конечно, блестящий художник, великолепный, но достаточно субъективный историк. Помнишь, как И.Сталин боялся художественной литературы? А ведь он был прав. Именно художественная литература докучивает в сознание человека те винты, которые существуют в нем, и вкручивает все новые и новые. Винты, которые винтили в меня Солженицын «Одном днем Ивана Денисовича», «Материним двором», «Случае на станции Кречетовке», остались, а винты, которые он пытался винтить «Архипелагом», «Колесом», так и не завилились. От «Архипелага» в памяти осталась только боль, а в «Красном колесе» даже главы о В.И.Ленине, о котором я писал и, наверно, напишу еще, мне мало что дали.
— Теперь поговорим о тех, кто незаслуженно пытаются внедриться в русскую литературу. Начну издавать. Я представляю кружок, одной из самых великих наций. Я прежде всего русский человек. И поэтому даже мысль о том, что русским человеком может кто-то крутить, управляют им, мне антипатична. Но то, что иногда происходит, лобопитно, рождает раздумья. Чаще всего раздумья возникают, когда я вижу на экране телевизора один и те же лица, встречаю в разных публикациях один и те же фамилии. Но меня волнует только литература. А в ней все идет, как надо, все идет по правилам. В результате каждый получает то, что он заслужил. Имена, которые когда-то были открыты, сейчас начинают понемногу закрываться. И «виноваты» в этом не литерату-

ное количество вещей и поняли, что они оба дети человеческие, что они братья». (Л.Н.Толстой. «Война и мир»)
— Но как это встретилось два чужих сердца? И если бы человеческое чаще встречалось бы у наших политиков, если бы они были более образованными, если бы «делали свою жизнь» не только как стратеги арифметики, но и как читатели художественной литературы, то, может быть, не было бы войны в Чечне, не было бы афганской авантюры. Надо бы подумать не только о государственных интересах, но и о гробах, чужих и своих, которые пойдут за этими государственными интересами. Я постоянно думаю о том, как же велика ответственность человека, приказавшего палить из пушек по парламенту. Ведь в нем находились не только «бунтари», но и обыкновенные граждане России, честные и порядочные люди. Были же не просто выстрелы. Была полна по живому, трепетному человеческому телу. От многих поступков наших правителей и политиков веет таким густым невежеством, что иногда становится страшно. Я почему-то убежден, что если бы люди, отдавшие приказ палить «туда» и «оттуда», прочитали бы вымышленный Л.Н.Толстого, работы Ленина предоктябрьского периода, то не было бы никакой стрельбы. Какая сторона оказалась бы образованнее, та и победила бы. История полна аналогий. Напомню хотя бы холостой залп «Авроры», бескровное взятие Зимнего.
— Образование и культура — это одно и то же?
— Нет. Под образованием я подразумеваю не только сумму знаний. Если же считать образованием только это, то лучше компьютер. А если под образованием подразуме-

не придет, как мне кажется, Россия к чистому и благообразному западному рынку, если уже раз от него ушла. Я повторяю банальность: она особенная страна, со своим путем, со своей корявой, но чрезвычайно интенсивной внутренней жизнью, для которой, в конечном счете, выкрикнуть правду иногда важнее, чем жить. В решающий момент она, как улитка, сожмется и спрячется в свой домик, чтобы копить новые русские силы. Опасность для всей экономической и этнической жизни России манипуляция с партией заключалась в том, что, по сути, за последнее время, в связи с насильственным введением атеизма и с падением в результате этого моральных норм, партия осталась ее сдерживающей религией и судом. Как бы ни были ужасны ее верхние эшелоны, но справедливые требования приходили искать сюда, и только этой структуры боялась вечно, всегда и везде коррупцированная власть. И я полностью разделяю мнение Александра Зиновьева, философа и литератора, автора, кстати, и термина «омо советские», и самых больших противников коррупцированной клуба власти в партии, что уничтожение наших российских государственных структур отбросило человечество назад на пятьдесят или сто лет.

Фото из личного архива С. Н. ЕСИНА

ДВОЙНИК, НО НЕ АГЕНТ

— Помню, уже тогда ты был автором одной лобопитно стилизованной повести, напечатанной в журнале «Волга».
— Бог с ней, с той повестью. Четверть века назад мне казалось, что я всегда буду писать только рассказы-монологи — подобие той повести, о которой ты упоминал. Так вот, обращаясь персонально ко мне, Бондарев в тот день сказал буквально следующее: «Эту манеру письма вы полностью освоили». Его слова заставили меня взглянуть на самого себя как бы со стороны. И я понял: надо переходить к другой манере, надо самоограничивать себя. Кроме Бондарева, других таких учителей у меня не было.
— Традиционный вопрос: как, почему и когда ты решил стать писателем?
— Где-то я уже говорил, что еще в раннем детстве был уверен: стану писателем. Даже играл в писателя. На свой детский столик почему-то ставил горшок с цветком, раскладывая какие-то предметы, которые в моем детском восприятии символизировали эти совершенно мне неясную профессию. Теперь не помню, были ли среди разложенных на столике предметов бумага и карандаш. Уверенность, что я стану писателем, никогда не покидала меня, хотя никаких особых данных у Сергея, а потом и Сергея Есина не было. Я стал вроде бы неплохим журналистом, довольно удачно мог выделиться на двух-трех страницах, старательно и довольно весело работал сперва в «Московском комсомольце», потом в «Комсомольской правде», затем в Радио. Мне было под тридцать, а кроме того «всплеск», который произошел на вступительных экзаменах, не было. И вдруг сразу, в одночасье, проза пошла.
— Помогла журналистика?
— Я всегда считал и продолжаю считать, что журналистика и литература, хотя генетически близки, но враждебны друг другу. Разные это по сути, по глубинному внутреннему смыслу предметы. Журналистика, когда я уже стал профессиональным писателем, еще долго продолжала мне мешать, и я, как мог, выдвигал из себя ее заданность, округлость ее сюжетов, ангажированность ее видения. Беда в том, что для многих она вроде бы старт в литературу, своего рода разминка и этап. Вопрос только в том, что тераем мы, а что находим, прощая именно этот этап.

рибдой: между собственным опытом, нажитым практикой рационализма и неизменно, вечно ожидаемым гением моего студента.
— В твоих рассуждениях промелькнуло слово, сформулировавшее следующий вопрос. Молва утверждает, что у главного героя твоего романа «Имитатор» есть прототип — художник Илья Глазунов.
— Почти все убеждены, что я вывел в романе именно его. Убеждены потому, что не знаю ни биографии Глазунова, ни биографии других художников. Илья Сергеевич у всех на виду, он самый известный. И люблю лично, выведенному в романе, читателю, да и не только, он, прикладывает к нему. Мало что помнит, что «Имитатор» был написан за два года до несчастья, случившегося в семье Глазунова. Сейчас, когда временное пространство стерлось, люди говорят: «Есин это...»
— ... «предугадал»?
— Нет. Говорят: «Есин это написал». Если внимательно присмотреться, то манера письма у моего героя совсем не глазуновская. Скорее шиловакая, вот ведь в чем дело. Несколько раз я проводил один и тот же эксперимент. Во время публичных выступлений спрашивал зал: «Кто может назвать хоть одну картину Глазунова? Поднимался лес рук. На вопрос: «Кто знает хоть одну картину Шилова?» — рук было гораздо меньше. Тогда я назвал пятерых очень крупных художников и просил вспомнить хотя бы одну работу такого замечательного мастера, каким является Моисеевич. Результат — две, реже три руки. Это свидетельствует о том, что Илья Сергеевич получил яркое впечатление от творчества, творчеством являлся — просто типаж. Такого имени, кстати, придерживаются и литературоведы. До недавнего времени я думал, что «Имитатор» уже «ушел». Теперь же чувствую его актуальность и, если угодно, злободневность.
— Про И.Глазунова говорят разное. Одни называют его гением, другие профаном, маляком.
— Я достаточно хорошо знаю изобразительное искусство, побывав у всех крупнейших мастеров мира и со всей ответственностью могу сказать, что Глазунов не профан, не маляка. Думаю, что он крупный художник с очень специфическим видением, с очень специфической системой выражения своих мыслей. В свое время и «передвижники» называли маляками, и даже Репин как бы не шел. Мне кажется, что сложности в восприятии интеллигентии Глазунова в том, что в своем творчестве он нес и продолжал нести русскую национальную идею. А она в нашем иррациональном государстве не всем нравится. Вот сейчас, например, идут всевозможные разговоры о том, что Илья Сергеевич получил яркое впечатление от творчества, творчеством являлся — просто типаж. Такого имени, кстати, придерживаются и литературоведы. До недавнего времени я думал, что «Имитатор» уже «ушел». Теперь же чувствую его актуальность и, если угодно, злободневность.

— Современного писателя?
— Да, да современного. Но не входящего в обиход переселенных выше.
— Ну-у... допустим, это Владимир Маканин.
— Очень хорошо! Кроме Маканина, в составе делегации включат Петрушевскую, Токарева, Славкина, Ерофеева, Гранина. Кто еще ты можешь назвать?
— Из этой, так сказать, группировки?
— Именно так.
— Кабаков, например.
— Принимается. А теперь добавим к этим писателям Белова, Распутину, Бондарева, Абрамова, Астафьева. Крутина и еще некоторых такого же крупного масштаба. А теперь возьмем и уберем этих людей. И...
— Нет русской литературы!
— Совершенно верно! Остался прекрасный писатель Маканин, роскошная писательница Петрушевская, дивная писательница Виктория Токарева, великолепный автор двух или трех пьес Славкин, очень острый писатель Ерофеев, а настоящей литературы нет.
— Все, что ты сказал, созвучно мне. И сразу же возникает вопрос: а нужна ли современным молодым людям настоящая литература — и русская, и зарубежная? В подавляющем большинстве семей дети и внуки книг уже не читают, предпочитают им телевизор или компьютер. Когда сталкиваешься с этим, хочется кричать «караул».
— «Карлаул» кричать поздно. Даже в наш институт приходят сейчас парни и девушки, очень интересные, раскошные, доходящие до Чехова. Сложно иногда в какой-нибудь компании, смотря на лица и безосмысленно предугадывая, кто и как выскажется. И выскажется не в зависимости от убеждений, а в зависимости от принадлежности к той или иной национальной.

вать весь процесс воспитания и самовоспитания, то главное — душа, сердце. Что такое образование по большому счету? Это и бабушкины сказки, и материнское слово, и строгость отца, и школа, и театр, и кино, и — это самое главное! — книги. Сейчас родители пытаются развить мозг ребенка, пытаются привить ему навыки, учат его правильному поведению в обществе. По большому счету все это мелочи.
— Человек рождается с навыками или они приобретаются?
— И то, и другое. Заложенные в человеке навыки могут и не раскрыться, если отец будет заниматься только своими делами, а мать только своими. Нам с тобой повезло — нам в детстве рассказывали хорошие сказки. А что смогут рассказать своим внукам и внучкам те девочки, которые сегодня смотрят «Спокойной ночи, малыши»? Еще в детстве мне объяснили, что такое «не убий», «не укради», «не солги». Тогда же мне рассказали про самого страшного, развращающего человека зверя — про совесть. Я боюсь его, как огня, этого зверя.
— Мы были с тобой членами Союза писателей СССР. Именно СССР. Иногда кажется, это было совсем недавно, а иногда воспринимается, как далекое прошлое.
— Я достаточно долго работал в прессе, обладал независимостью суждений, чтобы тогда, 21 апреля 1991 года, не понять, чем все это закончится. Распад СССР с определенной четкостью проматрировался и до, и после так называемого путча. Озадачивали люди, вещающие с телевизионного экрана. Я хорошо понимал, что они говорили раньше. По ТВ показали как Марк Захаров жег в пепельнице своей партию. Об этом и о многом другом связанном с этим, я написал в своей книге «Отступленое от романа, или В своем заслолке огурок», изданной, к сожалению, очень небольшим тиражом, — всего 1000 экземпляров.
— Цитата: «Бог с ней, из которой первыми попрыгали все самые, казалось бы, надежные, руководящие кадры. Бог с ним, с путчем — не мне это все описывать и судить. Политика сожрет поэта!», — как-то обронил Гете в своем современном Уланде. Обобщив мнение, что писателю лучше всего заниматься своими вышивками по листу бумаги, своим делом, а не лезть в политику. Теоретически я это очень хорошо знаю, но все время чувствую, что не желаю этого, лезу. Я уже подозревал о некоей «нечестности» в кропотливых бумажных делах, коли не могу обходиться в рамках чистого искусства. Но тут невозможно вопрепят духом, прочитав один пассаж у Моэма, где он пишет о чисто национальной особенности русской культуры и подчинении русского искусства социальным требованиям. И то, что я бы вложил в русский романтический роман политизировал во всем мире. Ну а как же тогда скромный автор романов? Надо также не забывать, что автор еще и довольно молодой человек, с почти израсходованным семейно-генетическим резервом долголетия, который, казалось бы, совсем недавно, как впрочем, и тысячи, и миллионы его соотечественников, внешне представляя и свою старость, и даже собственную картину похорон. Автор еще совсем недавно говорил жене: если что-нибудь со мной случится, то сразу звони в Литфонд или в Союз писателей. Но ни Литфонд, ни Союз писателей никого уже не хоронят за свой счет, а на приличные похороны нынче может рассчитывать только погибший в перестелке разкрит или бизнесмен, если не успевший, сколотить капитал, выехать за рубеж... И по телевизору оказывалось, будто вся страна быстро затряхивает мучительное прошлое, могила всяких отцов и дедов, унаследовавших в революционных и погибших в 37-м... Может быть, во всех нас, людях старшего поколения, сидит синдром 37-го года, и мы заранее готовы принять кару за все свои несуществующие вины? Может быть, недаром в России утвердилось мнение: при любой перемене власти станет хуже. Любая власть приведет своих и постарается избавиться от свидетелей ее возвышения. Был ли я в то время противником нового правления? Очень верно где-то сказал наш замечательный писатель Валентин Распутин: «Коммунизм Россия уже перевернула». Можно к партии коммунистов предъявить любые счета, вспомнить деяния всех ее злых гениев, главные из которых необразованность и темное русское местничество, можно возложить на В.И.Ленина любые вины, забить и Великую французскую революцию, и ее трагический, и видимо, неизбежный опыт, забить можно и как вообще шли реформы в нашей стране, и Ивана Грозного, и Петра Первого, и Сталина, и много-много другое, но партия-то давно стала государственной структурой, строительницей лесами и степями России. Давно уже было пора снимать эти леса и демонтировать стержни, но чрезвычайно осторожно, ведь передвинутли в конце концов ряд домов на Тверской в Москве так, что даже не разбили оконных стекол. Но сколько же можно было трести во имя политических химер эту антигосударственную Россию!

Социальный эксперимент не окончен, не скомпрометирован. Он, как говорили химики, не что-то был проведен, и не получены результаты. И, как бы там ни было, соблазн будет очень велик повторить его еще и еще раз, особенно в нашей стране. Я все время мучаюсь вопросом: может быть, эта страна предатель? Почему она в одночасье предала трехсотлетнюю монархию и тысячелетнюю религию? Почему она постоянно предавала свои святые? Почему она мгновенно сдала и партию, в которой, как в религии, как в церкви, состояло сознательное и активное большинство несчастного народа? И кстати: если бы кто-то наверху, через разрушение и деструкцию равновесия власти и к представительству, хотел по-настоящему России добра, разве он не понимал, что, как ни странно, через партию мы бы скорее пришли к этому рынку. Прикажи, объясни, организуй общественное мнение, и зашевелился муравейник, перетаскивая свою кулу на новое место».
— Почти три года назад, вскоре после того как тебя избрали ректором, тебе стали угрожать, потом подожгли твою квартиру. Что ты можешь сказать по этому поводу?
— Мне ничего добавлять к тому, что было напечатано в газете. Вот лишь некоторые выдержки из ряда публикаций. «Коммерсант»: «Союзом половины четвертого в ночь на 8 июля в квартире ректора Литинститута Сергея Есина вспыхнул пожар. По предварительным данным, его причиной стало возгорание входной двери. Одна из версий пожара — поджог. Некоторые наблюдатели характеризуют случившееся как «первый акт терроризма в отношении деятеля культуры...». По словам Есина, он, «защита интересов своих студентов, противостоял попыткам некоторых кругов, беззаконно приватизировать данное учреждение». Имен Есин не называет, только намекает, что эти люди уволены из института. У ректора был план разместить в доме общежитие для иностранных студентов и аспирантов, а доход потратить на содержание института (иностранные студенты и аспиранты оплачивают свое пребывание в общежитии по таксе, предусмотренной договорами). «Мне угрожали. В мой рабочий кабинет приходили кавказцы. 7 июля в 22.45 они перешли от слов к делу: пришли ко мне домой. В дом я их не пустил, а ночью случился пожар», — сказал Есин.
— Труд: «С вами плохо обойдется...» — сказали рэкетеры известному писателю и выполнили угрозу. Почти дотла выгоревшая квартира — обуглившиеся стены, почернелый от копоти потолок. Это — предупреждение. Если после непонятный клиент, то после этого обычно...
— О том, что произошло, писали и другие газеты — «Вечерняя Москва», «Московская правда», «Московский комсомолец», «Независимая газета». Были и зарубежные отклики.
— Поджигателей наши?
— Разумеется, нет. И думаю, не найдут, как не найдут убийц Холодова, Листьева... Можно назвать целый ряд и других очень значительных имен.
— В начале интервью была произнесена фамилия Бондарев. Давай и закончим этой фамилией. Кто он, наш «крестный»?
— Ю.В.Бондарев — писатель очень крупного масштаба. И как писатель такого масштаба, он хорошо чувствует некоторые процессы, которые происходят в нашем обществе. С ним можно не соглашаться, но среди поставленных в один ряд крупных писателей он будет выделяться, потому что в его произведениях эпоха.

Социальный эксперимент не окончен, не скомпрометирован. Он, как говорили химики, не что-то был проведен, и не получены результаты.

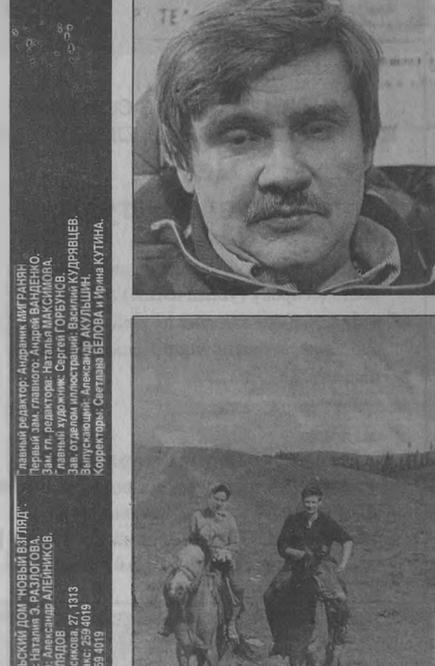
— Перехожу к главному «сюжету». В начале шестидесятых годов я работал в журнале «Кругозор», считался неплохим радиорепортером, много ездили по стране, но проза — ни одной идеи, ни одного замысла! — по-прежнему не шла. И вот однажды в нашу редакцию пришел знаменитый в то время репортер и обозреватель Георгий Иванович Зубков. Я не случайно употребил слово «явился» — люди моего поколения, несомненно, помнят его вальскую, уверенную манеру беседы с телезрителем. Во время поездки к правительственной делегации в Венгрию Георгий Иванович случайно обнаружил «золотую жилу». Оказалось, у памятника на горе Геллерт, выполненного знаменитым скульптором, есть прототип — советский солдат. Подусветившись, Зубков выяснил, где живет этот человек, предложил «Кругозору» съездить в Иваново — там «прототип» работал грузчиком на железной дороге — и записать на пленку разговор с ним «во имя нерушимости советско-венгерской дружбы».
— Сказано — сделано. Создав в Иваново вместе с нашим фотокорреспондентом свою «врательку», Георгий Иванович с триумфом возвратился в Москву. В тот же день я спросил нашего фотокорреспондента, как выглядит «прототип», как живет. В ответ услышал: «Человек как человек. Живет на окраине в собственном деревянном домишке. Трое детей. В нухник ходит во двор. За водой к колодезь». Из дальнейшего разговора выяснилось, что не было ни самолета, ни поезда, ни обычного «репортажа» — так называлась марка магнитофона, которым пользовалась советские радиокорреспонденты. Вместо этого в полное распоряжение Георгия Ивановича был предоставлен магнитофон. И тут в 1100 секунд в моей голове сложился сюжет первой повести «Живые только два раза». Сразу же возникла интонация, особый писательский взгляд. Я представил себе, как огромная лакированная машина пробирается по узкой улочке, царящая сугубо черными крыльями, увидел Зубкова, то записывающего перед своим героем, то трусыщего к месту общего пользования. Мгновенно стал очевиден контраст — сладко живущий журналист и подлинный герой, так ничего и не получивший за свой ратный труд. Дальнейшее было делом техники — «завязать» эти два сюжета, «нафантазировать», как широкополосное божеество, раскормленное сладкой заграничной едой, одетое в прекрасное платье, воспользуясь биографией своего героя, как распорядится ушами ему в ренку сенсации.
— Итак, мы знакомы почти четверть века. Я уже давно на пенсии, ничего не пишу. Ты же по-прежнему активен: печатаешься в

«Моя Газета» «находясь в двух версиях. Первая — журнальная в качестве бесплатного приложения к газете «Моя Газета», вторая — в газете «Моя Газета» в качестве платного приложения к газете «Моя Газета». Адрес: Москва, ул. Кривоколенная, 27, 11133. Телефон: 332-4949. Факс: 252-4919. Страницы по рекламе: 259-4919. Общий график: 655-500-400.

«Моя Газета» «находясь в двух версиях. Первая — журнальная в качестве бесплатного приложения к газете «Моя Газета», вторая — в газете «Моя Газета» в качестве платного приложения к газете «Моя Газета». Адрес: Москва, ул. Кривоколенная, 27, 11133. Телефон: 332-4949. Факс: 252-4919. Страницы по рекламе: 259-4919. Общий график: 655-500-400.

«Моя Газета» «находясь в двух версиях. Первая — журнальная в качестве бесплатного приложения к газете «Моя Газета», вторая — в газете «Моя Газета» в качестве платного приложения к газете «Моя Газета». Адрес: Москва, ул. Кривоколенная, 27, 11133. Телефон: 332-4949. Факс: 252-4919. Страницы по рекламе: 259-4919. Общий график: 655-500-400.

«Моя Газета» «находясь в двух версиях. Первая — журнальная в качестве бесплатного приложения к газете «Моя Газета», вторая — в газете «Моя Газета» в качестве платного приложения к газете «Моя Газета». Адрес: Москва, ул. Кривоколенная, 27, 11133. Телефон: 332-4949. Факс: 252-4919. Страницы по рекламе: 259-4919. Общий график: 655-500-400.

«Моя Газета» «находясь в двух версиях. Первая — журнальная в качестве бесплатного приложения к газете «Моя Газета», вторая — в газете «Моя Газета» в качестве платного приложения к газете «Моя Газета».

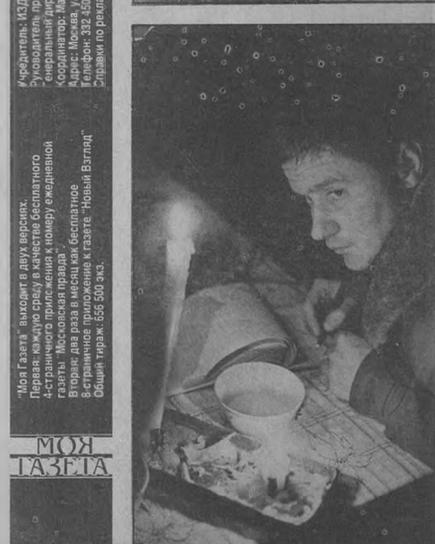
«Моя Газета» «находясь в двух версиях. Первая — журнальная в качестве бесплатного приложения к газете «Моя Газета», вторая — в газете «Моя Газета» в качестве платного приложения к газете «Моя Газета». Адрес: Москва, ул. Кривоколенная, 27, 11133. Телефон: 332-4949. Факс: 252-4919. Страницы по рекламе: 259-4919. Общий график: 655-500-400.

«Моя Газета» «находясь в двух версиях. Первая — журнальная в качестве бесплатного приложения к газете «Моя Газета», вторая — в газете «Моя Газета» в качестве платного приложения к газете «Моя Газета». Адрес: Москва, ул. Кривоколенная, 27, 11133. Телефон: 332-4949. Факс: 252-4919. Страницы по рекламе: 259-4919. Общий график: 655-500-400.

«Моя Газета» «находясь в двух версиях. Первая — журнальная в качестве бесплатного приложения к газете «Моя Газета», вторая — в газете «Моя Газета» в качестве платного приложения к газете «Моя Газета». Адрес: Москва, ул. Кривоколенная, 27, 11133. Телефон: 332-4949. Факс: 252-4919. Страницы по рекламе: 259-4919. Общий график: 655-500-400.

«Моя Газета» «находясь в двух версиях. Первая — журнальная в качестве бесплатного приложения к газете «Моя Газета», вторая — в газете «Моя Газета» в качестве платного приложения к газете «Моя Газета». Адрес: Москва, ул. Кривоколенная, 27, 11133. Телефон: 332-4949. Факс: 252-4919. Страницы по рекламе: 259-4919. Общий график: 655-500-400.

«Моя Газета» «находясь в двух версиях. Первая — журнальная в качестве бесплатного приложения к газете «Моя Газета», вторая — в газете «Моя Газета» в качестве платного приложения к газете «Моя Газета». Адрес: Москва, ул. Кривоколенная, 27, 11133. Телефон: 332-4949. Факс: 252-4919. Страницы по рекламе: 259-4919. Общий график: 655-500-400.

«Моя Газета» «находясь в двух версиях. Первая — журнальная в качестве бесплатного приложения к газете «Моя Газета», вторая — в газете «Моя Газета» в качестве платного приложения к газете «Моя Газета».